
ПОКОЛЕНИЯ ВШЭ

УЧИТЕЛЯ ОБ УЧИТЕЛЯХ

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2013

УДК 378.011.31-051

ББК 74.58

П48

Над книгой работали:

Мария Юдкевич

Юлия Иванова

Любовь Борусяк

Владимир Селиверстов

П48 Поколения ВШЭ. Учителя об учителях [Текст] / М. М. Юдкевич, Ю. В. Иванова и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 304 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-7598-1077-3 (в пер.).

В книге собраны интервью с ведущими профессорами Высшей школы экономики, рассказывающими о различных этапах своего академического пути и о своих учителях и наставниках. Книга создает коллективный портрет академической среды второй половины XX века.

Издание рассчитано на абитуриентов, студентов, выпускников университетов, всех интересующихся историей и судьбами фундаментальной науки и образования в России.

УДК 378.011.31-051

ББК 74.58

ISBN 978-5-7598-1077-3

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013

В теплой комнате, как помнится, без книг,
без поклонников, но также не для них,
опирая на ладонь свою висок,
Вы напишете о нас наискосок.

И. Бродский

О СВОИХ УЧИТЕЛЯХ И УНИВЕРСИТЕТАХ РАССКАЗЫВАЮТ

8	Евгений Григорьевич Ясин	88	Елена Григорьевна Драгалина-Чёрная
15	Виктор Анатольевич Васильев	91	Симон Гдальевич Кордонский
20	Александр Львович Доброхотов	94	Леонид Иосифович Полищук
26	Владимир Викторович Коссов	99	Вадим Артурович Петровский
31	Михаил Александрович Краснов	102	Эмиль Борисович Ершов
37	Светлана Борисовна Авдашева	105	Ирина Максимовна Савельева
40	Михаил Анатольевич Бойцов	109	Анатолий Григорьевич Вишневский
51	Владимир Петрович Зинченко	118	Алексей Львович Городенцев
60	Андрей Юрьевич Мельвиль	124	Гасан Чингизович Гусейнов
66	Фуад Тагиевич Алескеров	129	Александр Юльевич Чепуренко
69	Наталья Юрьевна Ерпылева	136	Елена Наумовна Пенская
73	Николай Борисович Филинов	144	Игорь Николаевич Данилевский
76	Александр Фридрихович Филиппов	148	Григорий Гельмутович Канторович
80	Владимир Сергеевич Автономов	152	Юрий Петрович Орловский
84	Сергей Константинович Ландо	156	Сергей Ростиславович Филонович

О СВОИХ УЧИТЕЛЯХ И УНИВЕРСИТЕТАХ РАССКАЗЫВАЮТ

160	Инна Феликсовна Девятко	229	Игорь Владимирович Липсиц
167	Аполлон Борисович Давидсон	234	Дмитрий Алексеевич Леонтьев
171	Виталий Анатольевич Куренной	240	Сергей Михайлович Яковлев
175	Марк Иосифович Левин	243	Владимир Натанович Порус
179	Евгений Семенович Штейнер	246	Елена Анатольевна Вишленкова
185	Ирина Васильевна Ивашковская	253	Олег Игоревич Ананьин
189	Овсей Ирмович Шкаратан	260	Александр Бенционович Гофман
195	Азер Гамидович Эфендиев	269	Ирина Владимировна Якушева
199	Лев Ильич Якобсон	273	Марк Юрьевич Урнов
201	Алексей Михайлович Руткевич	278	Александр Борисович Каменский
204	Максим Игоревич Никитин	282	Исак Давидович Фруммин
207	Николай Иосифович Берзон	287	Лев Львович Любимов
214	Алла Александровна Фридман	292	РАССКАЗЧИКИ
218	Владимир Ефимович Гимпельсон		
224	Александр Николаевич Архангельский		

Самое главное в университете — это люди и идеи, которые мы дружим. История университета — это то, что принесем с собой эти люди, какими знаниями они обладают и чем понимают сепарацию между знаниями, радостью у нас, делая со студентами и знаками, и счастьем, светлыми в сочетании к процессу познания и восприятию жизни, к процессу творчества.

E. Jensen

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга родилась случайно. Все началось больше года назад с открытия в информационном бюллетене «Окна роста», рассказывающем о новостях академического развития в Вышке, рубрики «Учителя и ученики». Каждый месяц на ее страницах публиковалось два интервью с ведущими профессорами университета. Уже с момента появления первых выпусков эти рассказы, в которых авторы делились воспоминаниями о своих учителях и о том, что привело их в науку, стали вызывать большой интерес как среди преподавателей и студентов Вышки, так и далеко за ее пределами. Тогда и возникла идея собрать эти интервью под одной обложкой.

В книгу вошли очерки 57 профессоров нашего университета. Каждый из них рассказывает о своих первых шагах в академическом мире и о своих университетских (а иногда и школьных) учителях, наставниках и о тех, кто оказал на него значимое влияние.

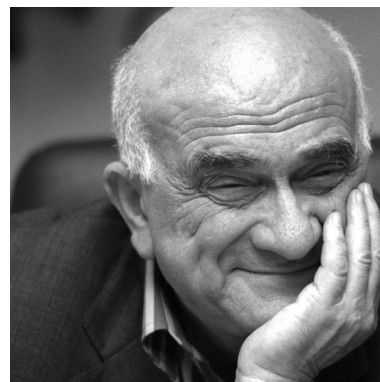
Все рассказы глубоко индивидуальны и отдают должное людям, часть из которых сегодня незаслуженно забыты. Вместе же эти рассказы рисуют коллективный портрет академической эпохи и академической жизни прошлых десятилетий. Во многих рассказах намеренно оставлены черты разговорного стиля, сохраняющие свежесть первых «газетных» выпусков и прямую речь рассказчиков.

Среди профессоров Высшей школы экономики – социологи, психологи, философы, экономисты, математики, историки, филологи и представители многих других дисциплин. Кто-то из рассказчиков работает в Вышке с момента ее основания, а кто-то относительно недавно, но без любого из них Школа уже не мыслится. В совокупности эти повествования образуют своего рода портрет Вышки. Портрет университета, который, несмотря на свою молодость, уже обладает историей, уходящей глубоко в прошлое. Наша книга – попытка сохранить эту историю и рассказать о ней новым поколениям.

Мария Юдкевич

ЕВГЕНИЙ ЯСИН

УЧИТЕЛЯ

Скажу честно и откровенно, сразу после школы я хотел пойти в гуманитарный вуз – на географию. География – это то, что ты уже со школы знаешь. А экономика? Наверное, нужно пройти какую-то фазу социализации, чтобы можно было выбрать это со знанием дела. Но я вынужден был сделать такой выбор по определенным обстоятельствам. На географии мне объяснили, что из таких, как я, уже взяли одного, а второго – никак. И это была правда: декан факультета сказал своему сыну, который учился с нами, что вот, мол, одного возьмем, а второго – нет. Короче говоря, такие времена были. Пришлось мне пойти в Инженерно-строительный институт. Но где-то к четвертому курсу я понял, что эта работа не моя: мне надо заниматься общественными науками.

Вообще-то я хотел пойти на архитектуру, и в институте было архитектурное отделение. Но поступил в 1952 году, когда у нас открывались великие стройки коммунизма. Наш институт переделали в гидротехнический. (Это институт в Одессе – у меня на родине.) В результате отделение архитектуры закрыли, а вместо него открыли речной и морской факультеты, а также факультеты промышленного и гражданского строительства (ПГС).

И я попал на ПГС. Ну, и закончил его. А архитектура – она мелькнула и исчезла с горизонта. Примерно через год после окончания института я работал мастером на строительстве моста через реку Днестр в городе Рыбницы – это в Молдавии. И вот, будучи там мастером, я написал в Московский университет, что когда-то окончил школу с серебряной медалью, а теперь хотел бы учиться у них. Тогда было такое странное правило: заочные отделения университетов принимали студентов на свободные места без экзаменов. Когда оказалось, что осталось одно свободное место, меня на него взяли, к моей большой радости. После этого я некоторое время еще работал в проектно-институте, а через два года – я тогда уже учился, ездил в Москву сдавать экзамены и так далее – мне мои профессора предложили перейти на очное отделение. Это был 1960 год. Вот с тех пор я и живу в Москве. Я окончил экономический факультет Московского университета, аспирантуру на этом же факультете. Но должен сказать, что там мне не все нравилось: в Одесском институте учили гораздо лучше. Там была гораздо более плотная программа, гораздо лучше отработанная. Там давали очень приличное образование, было много профессоров высокого класса.

На экономическом факультете МГУ тоже существовали такие профессора, но их было намного меньше. Преобладали люди другого свойства: владевшие какими-то знаниями из официальной марксистской науки, но не слишком отягощенные обширными и глубокими экономическими познаниями. Зато была огромная литература, большие возможности общения – в общем, я вспоминаю об университете с большим удовольствием.

Среди профессоров я вспоминаю трех-четыре человек, которые много дали мне, моему образованию, моему пониманию мира. Один из них – мой учитель Арон Яковлевич Боярский, известный статистик. Хотя потом я познакомился с Альбертом Львовичем Вайнштейном – заместителем Кондратьева по Конъюнктурному институту. Между прочим, я как-то спросил его, почему он никогда не здоровается с Боярским. Он мне объяснил очень коротко и внятно: Боярский, Старовский и еще два польских шпиона – Ястремский и Хотимский – боролись за чистоту марксистской идеи и в большой степени содействовали завершению работы Конъюнктурного института, аресту Кондратьева и отправлению самого Альберта Львовича в лагерь. Во всяком случае, Вайнштейн именно так и сказал:

– Вы меня никогда не убедите. Между нами стена. Что бы и как ни объяснял Боярский, его для меня не существует.

Ну, а для меня он существовал. У нас был один такой разговор, по-свойски. Он сказал:

– Вы – молодые, вы не понимаете то время, в которое мне пришлось жить.

И я могу сказать, что это было время, когда на пространстве нескольких журнальных страничек решались вопросы жизни и смерти. Люди, которые туда попадали, могли либо доказать свою правоту за счет обвинения других, либо их одолели бы более сильными обвинениями. И тогда их расстреляли бы или сослали. В общем, такая была судьба.

Что мне дал Боярский? Во-первых, он был очень хорошим лектором. Во-вторых, у него были хорошие книги. В-третьих, он, возглавив Институт статистики в НИИ ЦСУ в свое время, сразу позвал меня туда работать. Я только что закончил вуз, и с первого года аспирантуры он пригласил меня на пост заведующего отделом. Я пошел туда и не жалею об этом. Там работали очень интересные люди – демографы, например. Но у нас занимались автоматизированными системами – все это была никому не нужная абсолютная чепуха. Причем это совпало со временем, когда наши ввели войска в Чехословакию. И тогда стало ясно: то, что мне больше всего нравилось, – преобразования в экономике, реформы и прочее – все это уже больше никому не нужно, все это сворачивается. Все говорят, что должен быть тот порядок, который уже существует, и ничего менять не надо.

И еще. Моих друзей – Б.В. Ракитского и Н.Я. Петракова – обвинили в ревизионизме. Слава богу, обратились к М.А. Сулову. И этот человек, которого все поносят как угодно, сказал: «У нас ревизионистов нет. Есть советские экономисты с разными взглядами. Можно отрицать какие-то взгляды, но привыкайте к тому, что вы можете эти взгляды обсуждать». Короче говоря, он сказал то, что сказал бы я. Михаил Андреевич, конечно, не всегда так говорил, но вот за это ему спасибо.

Теперь об экономической литературе в то время. Был библиотечный зал на третьем этаже в корпусе экономического факультета на Моховой. И представьте себе провинциального парнишку, который приехал в Москву. Я был сравнительно взрослый, конечно, но с точки зрения понимания экономических процессов, кругозора в области экономической науки я был почти на нуле. Потому что нельзя же считать, что какое-то образование появилось, если я самочинно прочитал «Капитал» Маркса, комментарии к нему Розенберга или еще какие-то книги. Все это было в пределах учебной литературы. Когда я приехал туда, на полках стояли издания работ Кейнса, Хайека – многих людей, которые для меня были совершенно новыми.

Там была классическая марксистская литература эпохи революции, и она описывала общество, которое должно возникнуть. Я не помню уже имен авторов, но это были очень видные ученые. Можно взять любую библиографию того времени и увидеть, что выбор был огромный.

Ну, разумеется, там были и книжки, в которых обсуждались текущие проблемы. Например, книга И.С. Малышева «Общественный учет труда и цена при социализме». Иван Степанович Малышев – это конец 50 – начало 60-х годов. Тогда была отчаянная борьба между «товарниками» и «антитоварниками». Малышев возглавлял школу «антитоварников», в которую входили очень известные специалисты по нетоварным теориям. Первое время я сам был «антитоварником» и ярким коммунистом. Меня очень интересовала их аргументация. Другое направление доказывало приоритет товарного производства. Например, К.В. Островитянов и его единомышленники спорили с «антитоварниками», но все это было окутано такой туманной фразеологией, что стоило неизменно труда разобраться, кто из них пуцций марксист.

Я просто глотал новые для меня книги, потому что все это было довольно далеко от той образцовой подачи материала, которую я раньше находил в литературе. Взять, например, труд Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Я понимал, что это было мировое событие в экономической литературе. Или другие авторы: к примеру, Фридман, который защищал противоположную точку зрения. Он выступал против вмешательства в экономику. Я еще не мог в полной мере оценить эти книги, но видел ссылки на них в литературе. Я внимательно прочитал И.Г. Блюмина и из всех упоминавшихся у него работ вытащил именно ту книгу, которую он больше всего критиковал. Правда, он критиковал ее как-то нежно. Мне захотелось ее почитать – и это оказалось действительно другое видение экономической науки. Что там говорить – это была другая наука! И я это понимал. Такое ощущение сложилось у меня сразу, хотя в книгах, которые я читал, писали про буржуазную экономику, а у нас здесь была экономика другая.

Но точки над «i» расставил Леонид Витальевич Канторович со своей книжкой о наилучшем использовании ресурсов. За вклад в теорию оптимального распределения ресурсов он получил Нобелевскую премию. Я взял эту книгу с твердым намерением молодого неопита: прочесть и раскритиковать ее как следует с марксистских позиций. Потому что рядом были люди, которые доказывали, что у нас товарное производство. И я решил, что это изложение буржуазной теории предельной полезности, новое ее изобретение. Вот люди пишут, пишут... а полной ясности до сих пор нет. Я сел за книгу с твердым намерением выполнить эту миссию. Но по мере того как я ее читал, у меня пропадал критический пыл и росло восхищение. Я сел за книгу с одними намерениями, а встал ее почитателем с совершенно изменившимся взглядом на экономику и мир. Потом, когда я ее закончил, мои товарищи подсунули мне еще книгу Виктора Васильевича Новожилова, потом – книгу Лурье. Я прочитал и понял, что все, чему меня учили, – это полнейшая чепуха. И теперь я должен как бы по-новому взглянуть на мир и заниматься другой наукой. В общем, книги в моем развитии сыграли колоссальную роль.

Частично на мою дальнейшую эволюцию повлияли лекции в ЦЭМИ. В начале 70-х годов я ходил туда слушать лекции видных сотрудников, которые рассказывали о теории оптимального функционирования. На одной из этих лекций выступал Виктор Александрович Волконский. Он записал на доске несколько уравнений и сказал: вот это – общая теория равновесия, вот это – теория оптимального планирования или линейного программирования, которое придумали Купманс и Канторович. Я не был учеником Канторовича, но перед нами выступал Волконский, и он показал: вот уравнение общей теории, давайте вот это мы сократим, вот это запишем так, а это – так. Вы видите, что это частный случай теории общего равновесия, но только эти переменные становятся константами. Или что-то в таком духе. Я посмотрел на все это и решил, что плановая экономика так не выживет, что все равно она ничего не усвоит из этой теории оптимального планирования.

Я понял: это общий случай. Рынки – они на Западе работают; известно, что там экономика работает лучше, чем у нас. Но я понял также, что рынки приводят не к оптимальному, но к субоптимальному состоянию всех параметров, и добиться этого лучше с помощью рынка, чем Госплана. Мне стало понятно, что ситуация просто тупиковая и надо из нее выходить. Там сидело еще несколько человек, которые пришли примерно к таким же выводам. На этом первый и самый важный этап моей эволюции в экономической науке закончился. Потому что я уже перестал сомневаться. Мне стало ясно, что социалистическая система обречена. А как коммунист я закончился с вводом наших войск в Чехословакию.

Моими учителями в это время были не такие уж пожилые люди. Например, Ефрем Залманович Майминас – молодой ученый-экономист. Он родился в Каунасе, окончил университет в Вильнюсе. С его слов я знаю, что к нему приезжали люди из Израиля и объясняли ему, что он дальний потомок Маймонида, известного ученого. Они очень старались, но Ефрем не поверил в это. Мы с ним подружились. А познакомились мы в 1966 году, на Первой Всесоюзной конференции по экономической кибернетике в городе Батуми. Потом, в начале 70-х годов, я перешел на работу в ЦЭМИ, стал работать по информационному обеспечению, ради которого бросил экономическую науку. После 1968 года я понял, что заниматься экономикой в этих условиях не могу, и стал заниматься информатикой. К тому же математика не была для меня закрытой книгой, кое-что в ней я понимал: все-таки закончил когда-то технический вуз и первую свою книгу написал по математике.

Общение с Майминасом дало мне очень много. Он был широко образованным экономистом, хотя с математикой не очень дружил. Владел иностранными языками, читал на них. В Вильнюсском университете у них была возможность читать все в оригинале. Я могу назвать имена и других людей. Может быть,

они не смогут сказать, что они меня чему-то научили, но сам-то я знаю, что учился у них. Это были, например, Александр Иванович Анчишкин, который тогда работал в ЦЭМИ, Николай Яковлевич Петраков. Там было много людей, общение с которыми доставляло колоссальное удовольствие и позволяло узнать много нового. Одним из них был Я.Л. Геронимус. Вместе с ним мы стали заниматься имитационным моделированием, имея в виду, что мы создадим аппарат, который можно будет применять на практике вместо математических теорий, хорошо смотревшихся в книге, но с большим трудом подлежавших использованию. Однако все это были эксперименты, которые не закончились практически ничем.

В 1979 году вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров об улучшении и совершенствовании управления экономикой. Это вместо всяких решений о реформах, которые предполагались. Пленум ЦК решили не созывать и не поднимать бучу. Просто издали постановление, где изложили направления, по которым надо было двигаться дальше. Правда, двигаться тоже не стали, но это было определенное разрешение тех проблем, перед которыми я стоял. Мне хотелось вернуться в экономику, но заниматься всякой идеологической белибердой я не имел желания. Интуитивно я понимал, что должны наступить перемены. Дело в том, что тогда началась работа над программой научно-технического прогресса. Работала Академия наук, возглавлял ее известный академик, а настоящим лидером был Александр Иванович Анчишкин. Мы стали работать вместе с Петраковым и еще рядом коллег над томом, посвященным совершенствованию управления. Анчишкин занимался прогнозами, а мы под формальным руководством Федоренко, а реальным – Петракова, занимались этим. Работа наша была чисто экономической. Я стал возвращаться обратно. Шли 1979–1980-й годы. Прошла еще пара лет, и стало ясно, что все директивы о совершенствовании экономики не стоят выеденного яйца и что никто ничего не собирается предпринимать.

Потом пришел к власти Андропов. За то короткое время, которое ему отпустила судьба, он намеревался что-то сделать. Ну, конечно, не против КГБ, но все-таки было у него четкое ощущение, что перемены необходимы. Он поднял постановления 1979 года и дал задание готовить реформы. Написал, что мы не знаем страны, в которой живем. В сущности, документ о крупномасштабных изменениях в советской экономике, который приняли при Андропове, был развернутым постановлением ЦК КПСС и Совмина 1979 года. И вот я оказался в этом течении. Пока про реформы не было никакого разговора, но работа шаг за шагом продвигалась. В том числе благодаря Анчишкину, его и нашим коллегам – все вместе мы образовывали довольно сплоченный коллектив. Ну, и дело подошло к 1985 году. А в 1987 году начались экономические реформы.

Александр Иванович Анчишкин – самый видный лидер реформаторского направления, очень проницательный и глубокий экономист, редкой для нашей страны образованности. Он вместе с другими учеными подготовил концепцию совершенствования планирования и управления к пленуму ЦК КПСС, который состоялся в июне 1987 года. И пленум принял это решение. Через несколько дней Александр Иванович умер. Он – мой одноклассник: мы оба родились в 1934 году. Он был совсем молодой. Исключительно умный, образованный человек. По-советски, но образованный.

Я в это время сидел в «Соснах», где по поручению правительства наша команда готовила проекты постановлений для Верховного Совета СССР. Эта сессия состоялась в начале июля, на ней с докладом выступил Николай Иванович Рыжков. Постановление июньского пленума было ключевым решением, положившим начало экономическим реформам в Советском Союзе. Горбачевским реформам. Но я бы сказал, что концепция была сырая. Да и вообще она была неконструктивной, оставалась в рамках социалистического выбора – выбора директоров вместо того, чтобы выборы в стране устраивать, и т.д. Но тем не менее это были очень важ-

ные шаги вперед, и я с самого начала принимал в этом участие. Могу назвать людей, с которыми в тот момент меня свела судьба. Это Вячеслав Константинович Сенчагов – по-моему, он был в то время заместителем председателя Госкомцен СССР. Председателем был Валентин Сергеевич Павлов. И вместе со мной в эту команду входил Григорий Алексеевич Явлинский. Вот такая складывалась компания. Это был первый мой опыт работы над правительственными документами.

Прошло два года. Я как экономист, уже набравший определенную квалификацию, понимал, что дальше будет кризис. И что будет с Россией – тогда Советским Союзом, – мне было совершенно неясно, потому что кризис обещал быть очень тяжелым. Ведь длительное время ничего не делалось, чтобы его как-то остановить, спасти страну. Все, что предпринималось тогда в части экономических реформ, или не было направлено на решение практических проблем, или было недостаточно «решительным». В основном все заканчивалось разговорами. Но вот состоялся Первый съезд народных депутатов – он был переворотом в политическом сознании людей. В это время в правительство был приглашен Леонид Иванович Абалкин. Мы раньше встречались: когда я еще работал в ЦЭМИ, мы постоянно контактировали с ним в ученом совете при комиссии по проведению реформ. И когда его пригласили на пост председателя комиссии по экономической реформе и вице-премьера, тогда наш общий знакомый, Борис Захарович Миллер, спросил меня, не согласился бы я работать в комиссии. Для меня это был довольно сложный вопрос, но я ответил: «Если позовете – пойду». И Леонид Иванович поддержал мою кандидатуру. Вот так мы вместе с Григорием Алексеевичем Явлинским попали в эту комиссию в должности заведующих отделами.

И я могу сказать, что самый интересный период в моей жизни связан с этой комиссией, в которой я работал с сентября 1989 года до апреля 1991-го. Осенью 1989 года мы первый раз с Григорием Алексеевичем написали концепцию рыночной реформы у нас в Советском Союзе,

где ни разу не упомянули слово «социализм». Собственно говоря, это вышло непреднамеренно, мы не ставили перед собой такой задачи. Просто к вопросам, которые там излагались, слово «социализм» отношения не имело. А вот «рынок» – да. Это была концепция рыночного переустройства советской экономики.

Если говорить о том, в какой степени мы могли использовать мировой опыт, описанный зарубежными экономистами, то здесь нужно иметь в виду следующее. Та литература, которая была нам доступна, не отвечала на вопросы, возникавшие в советской экономике. А мы советскую экономику знали хорошо. Мы не знали в деталях их экономику, но у нас было ясное понимание того, что нужно сделать, чтобы здесь заработала рыночная экономика. Чтобы были спрос и предложение, свободные цены, ограничения денежно-финансовых ресурсов, денежного предложения. Мы знали: все эти вещи нужно создать, чтобы они заработали. А уж потом будут решаться вопросы реконструкции промышленности, сельского хозяйства, хозяйственного механизма и т.д. Собственно, это и был хозяйственный механизм. Вот так мы и написали.

Мы выбрали умеренный вариант, чтобы не торопиться, чтобы не вызвать кризис, который мог оказаться роковым. Тогда Григорий Алексеевич говорил, что нужно обязательно «все сразу», «решительно», а я, уже пожилой человек, его уговаривал отказаться от слишком радикального пути. Сам-то по себе он был бы хорош, но уж с очень большими рисками связан. Консервативный путь мы тоже отвергли, как вчерашний день, а вот умеренный путь – это было лучше. Мы описали все это в нашей концепции. Ее обсуждение состоялось на совещании в Колонном зале Дома Союзов в октябре 1989 года. По улицам в это время ходили демонстрации с лозунгами «Долой абалкинизацию всей страны!». Имелся в виду Абалкин, потому что он был главным нашим лидером. Мы для него все это написали, и он с нами согласился. У него был свой взгляд на данный вопрос. Он готовил свой доклад, а мы – этот официальный документ.

В общем, несмотря на возражения коммунистов, правых, все-таки правительство склонно было поддерживать эти идеи. Но своеобразно: велась работа над объединенной концепцией. И получилось так, что на Второй съезд народных депутатов выдвинули программу, которая состояла из трех частей. Основное направление – реформы; вторая часть – основные направления XIII пятилетки; третья часть – текущие вопросы. И из основных направлений XIII пятилетки было ясно, чего они делать не собираются. По крайней мере в первые два года. Ну, мы пошли к руководству выяснять, что ж тут такое... А нам сказали: «Жизнь есть жизнь. Кое-кто возражает против ваших предложений. Непонятно еще, что с ними будет». Ну, мы тут стали кипятиться, конечно. Выразили все свои чувства Леониду Ивановичу после этого. Он выступил публично, сказал, что в докладе на сессии Верховного Совета и в концепции с исключительной точностью изложены те предложения, которые должны быть реализованы, чтобы мы начали плавный переход к рыночной экономике.

Из тех, что были сторонниками рыночных реформ по-настоящему, я могу назвать Абалкина, Аганбегяна, Петракова, Майминаса, о котором я уже упоминал. Общение с ними, безусловно, оказало на меня определенное влияние. Но если говорить о моих научных взглядах, то они сформировались гораздо раньше – в ЦЭМИ и во время работы над моей книгой, которую я как раз закончил в 1989 году. Она называлась «Хозяйственные системы и радикальная реформа». Имелись в виду социализм и рыночная экономика, а также реформы, которые должны были быть проведены.

Ну вот, мы закончили работу над этой правительственной программой. Ее угробили, то есть президентский совет ее не принял. Потом были события, благодаря которым я попал на семинар в городе Шопроне, где было много замечательных американских и западноевропейских ученых. А еще были молодые ребята из будущего российского правительства, в том числе Гайдар, Шохин, Чубайс и др. Там довольно много было людей.

Все они, так или иначе, потом работали с Гайдаром. Гайдара я знал до этого – он учился на экономическом факультете. Я не был его преподавателем, но у нас как-то завязались хорошие отношения, хотя в 1991 году мы сильно ругались, споря о том, что будет с Советским Союзом. Они выступали за выход России из состава Союза, а я кипел страстью и не хотел этого разрушения. Но в конце концов я с этим смирился.

Когда я вернулся из Парижа (мне там делали операцию), Гайдар предложил мне войти в правительство. Я получил должность представителя правительства в Верховном Совете РСФСР. Следует сказать, что для меня это был очень серьезный выбор. С одной стороны, мне звонили мои старые друзья – Петраков и Явлинский, с другой – Гайдар. Я долго размышлял. Если бы я пошел с Явлинским и Петраковым, я должен был бы сидеть в оппозиции. А ведь я как раз был согласен с той программой, которую намеревался осуществлять Гайдар. Между нами говоря, она была как две капли воды похожа на программу «500 дней», которую мы с Явлинским и Петраковым сочиняли летом 1990 года. Поэтому я подумал-подумал – и решил все-таки идти с Гайдаром.

Я не жалею об этом. Нет. Могу сказать, что чувствую себя счастливым человеком. Говорят, что у советского человека было шестое чувство – чувство законной гордости и глубокого удовлетворения. Я должен сказать, что у меня и сейчас есть это чувство – благодаря той работе, которую я выбрал. Мы ее осуществляли под руководством Гайдара. Я думаю, что этот человек, может быть, и не намного больше нас знал, но у него была сила для того, чтобы взять на себя ответственность. Он ее взял – и выиграл. И что бы там ни говорили, Россия теперь находится в ряду нормальных стран. С рыночной экономикой, без всяких идеологических вывертов. Она может развиваться. Вы скажете: не все же так хорошо. Да, многое и мне не нравится. Я бы хотел, чтобы вот это было по-другому, и вот это, и вот то – но это уже второй вопрос. В жизни не всегда все происходит так, как вы хотите. Но тех бед, которые я наблюдал в

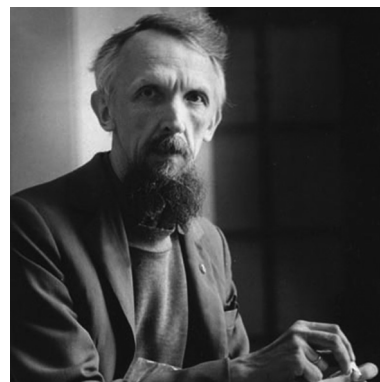
советской экономике, тех извращений и искусственности, которые препятствовали развитию этой экономики, у нас уже нет. Поэтому что я должен испытывать? Я принимал самое непосредственное участие во всем этом, и у меня никаких разногласий с программой Гайдара не было. А он ее осуществил.

Преподавать я начал где-то с конца 60-х или с начала 70-х годов. Преподавал на экономическом факультете МГУ на кафедре статистики. Читал курс экономической статистики, пока не ушел работать в правительство в 1989 году. На факультете были разные люди, которые ко мне хорошо относились и к которым я сам хорошо относился. Там как раз заведующим кафедрой был Боярский, там работали замечательные женщины – Галина Леонтьевна Громыко, Мария Георгиевна Трудова – и другие люди, которые были настоящими профессионалами. Кроме того, я там прочитал гору литературы. Сделал свой курс трибуной пропаганды будущих реформ. Вот так.

Если же говорить о Высшей школе экономики и ее студентах, то это уже совсем другое дело. Мы – те, кто учил студентов в то время, – на самом деле уже устарели. Уровень подготовки у наших студентов гораздо более высокий. Я бы сказал, что в Вышке это близко к уровню лучших западных университетов. Они знают математику, языки. В общем, это уже совсем другие люди. Здесь я читаю курс, посвященный российской экономике. Он рассчитан на шесть модулей, я его читаю для третьего курса. Мне нравятся эти ребята. Во-первых, потому, что среди них много умных, интересующихся студентов. Во-вторых, они владеют на довольно приличном уровне необходимыми знаниями. С ними интересно. Я, конечно, не утверждаю, что все наши студенты такие. Но если на каждом курсе появляются два-три человека, с которыми интересно, и делают работы, которые я готов опубликовать, то – дело сделано. В общем, я удовлетворен.

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВ

УЧИТЕЛЯ

Интерес к математике возник у меня довольно рано. Где-то в начальной школе у меня уже получалось находить ошибки у учителя, придумывать нестандартные решения задач. Наша учительница в начальной школе всегда знала только одно решение, а я придумывал еще одно: иногда в стандартном решении получалось четыре действия, а я решал задачу в три действия, и это производило впечатление. В математическую школу я не пошел (хотя меня несколько раз принимали по результатам конкурсов), потому что далеко было ездить. В седьмом и восьмом классах я раз в неделю ездил на математический кружок при Второй математической школе и решал там задачи. На занятиях, которые продолжались два часа, обычно разбирали какую-то тему, а кроме того, давали четыре задачи на дом. Решение можно было приносить через две недели. Это был такой вызов, и я все задачи старался решить и решал. Несколько раз в седьмом классе я показывал лучший результат за четверть, и меня там заметили. Кроме того, я участвовал в олимпиадах для школьников. Сразу было понятно, что буду стараться поступить на мехмат, но в то время были сложности с поступлением, потому что политика партии была такая: в институты надо брать иногородних, студентов рабоче-крестьянского происхождения и т.д.

Поскольку я этим критериям не соответствовал, то были опасения, что я не поступлю, но я решил все задачи на письменном экзамене и прошел как медалист. На отделении математики на мехмате было 250 человек. Часть из них были выпускниками матшкол, и стартовые возможности у них были лучше, чем у меня, потому что я ведь не учился в матшколе. Матанализ они уже знали примерно за первый курс, хотя на чуть более примитивном уровне, имели больше времени и больше возможностей ходить на разные семинары.

К концу второго курса надо было выбрать научного руководителя, но я долго колебался с выбором направления. Я ходил на самые разные семинары, пытался выбрать, но окончательного решения долго принять не мог. Я колебался между тремя возможными вариантами. Мне очень нравился Владимир Андреевич Успенский, у которого был прекрасный семинар по матлогике для студентов младших курсов. Я туда ходил, там были замечательные задачи, я их решал, и Успенский меня привлекал. Еще был Феликс Александрович Березин, ученик Израиля Моисеевича Гельфанда, специалист по матфизике и теории представлений. У него тоже был очень хороший семинар.

Но в результате я пошел к Владимиру Игоревичу Арнольду, и это, по-моему, едва ли не главная удача в моей жизни. Арнольд у нас читал лекции на втором курсе, хотя на семинар к нему я пришел еще на первом. И вот как это получилось. Как-то вечером мне позвонил Николай Николаевич Константинов. Ну, про Константинова все математики знают – это совершенно замечательный человек, один из создателей системы математического школьного образования в России. Меня он знал еще по олимпиадной жизни. Константинов строго меня спросил:

– Витя, а почему вы до сих пор не ходите на семинар Арнольда?

Как я мог отказаться? Пришлось идти. Я даже не знаю, почему это случилось. У меня есть подозрение, что произошло это так. Готовилась школьная математическая олимпиада. А задачи, которые дают школьникам, сначала тестируют на студентах. Меня позвали в такую секретную группу, чтобы на мне и еще десятке человек эти задачи протестировать. И мне тогда удалось решить все задачи. В этом году там как раз Арнольд командовал олимпиадой. Может быть, поэтому он обратил на меня внимание и сказал обо мне Константинову. Точно я не знаю, это всего лишь версия. В общем, Константинов велел мне идти, и пришлось его послушаться. Я пришел на семинар Арнольда и больше уже не смог оттуда уйти.

Эти семинары велись блестяще, и лектором Арнольд был тоже совершенно замечательным. Сразу было видно, что в математике он знает почти всё. Семинар у него был чрезвычайно интересный. Если говорить о том, как он его вел, то слово «пассионарность», пожалуй, будет самым подходящим. Он делился своей энергией, своим энтузиазмом, и этот энтузиазм воспринимался студентами. Было видно, что люди, которые ходили на его семинары, тоже заряжены его энергией.

У Арнольда было два семинара: один для «маленьких», то есть для студентов невыпускных курсов, а другой – для взрослых. Формально считалось, что семинар для

младших был по динамическим системам, а для старших – по теории особенностей. Но на самом деле это деление условное: на протяжении своей истории эти семинары занимались много чем, вместе с Арнольдом переходя с одной темы на другую. На обоих семинарах в начале каждого семестра раздавались задачи – обычно Арнольд приносил список из нескольких десятков задач. Задачи предлагались по одному из направлений семинара. Арнольд как-то посчитал, что период полураспада задачи – семь лет, то есть в среднем за столько лет задача решается, хотя значительная часть этих задач не решена до сих пор. Но многие задачи, конечно, решались там сразу. Часто оказывалось, что в семинаре есть человек, который хорошо знаком с какой-то определенной областью, и тогда он приносил решение на следующее заседание. Если эти задачи не решались, то они повторялись на следующий год или через год. И в среднем через семь лет кто-то их добывал. Любой мог взять эти задачи и попробовать их решить.

Когда я на втором курсе пришел проситься к нему в ученики, Арнольд мне дал задачу. Даже не задачу, а тему. Сказал, что есть такие-то и такие-то статьи, с которыми надо разобраться. Дал мне на лето четыре свои статьи в «Успехах математических наук», общей сложностью страниц на сто пятьдесят. И вот я их прорабатывал, пытался понять, что это за задачи такие. Что-то я тогда сделал, но на перспективу мне это не пошло. Ничего особенного в этой области я не достиг. Конечно, решение задачи из списка Арнольда каждый раз было событием, которому потом посвящался доклад на том же семинаре. И сколько-то раз мне это удавалось. Некоторые из этих задач определили направление моей будущей деятельности. Курсовые и диплом я тоже писал под руководством Арнольда.

На семинар обычно приходило много людей – десятка два-три. Там было много старших арнольдовских учеников, причем самый старший был моложе его года на два. Там были мои ровесники, а потом стали приходиться ребята моложе нас. Многие из учеников Арнольда

уже были экспертами по каким-то направлениям. (Арнольд в свое время дал им задачи, и им удалось продвинуться в их решении, поэтому они считались по определенным задачам экспертами.) Туда также приходили совсем уже крупные ученые из других областей. Например, Дмитрий Борисович Фукс – замечательный тополог, он был как бы министром топологии на этом семинаре. Топологию он знал лучше Арнольда, и если возникала задача, выводящая в эту область, он всех консультировал. Приходил Андрей Николаевич Тюрин, давал консультации по алгебраической геометрии. Это были самые старшие участники семинара.

Потом были старшие ученики Арнольда: Саша Варченко, Толя Кушниренко, Аскольд Хованский и др. Арнольд время от времени давал им задание присмотреть за кем-то из нас. Детей нашего возраста – чуть старше или чуть моложе – там было с десяток. Он, конечно, следил за нами, но всего успеть не мог, поэтому за нами еще присматривал кто-то из старших участников семинара. Моим куратором был Саша Варченко, но я все-таки старался подходить с вопросами к самому Арнольду. Не то чтобы я Саше не доверял – просто так было проще. После семинара можно было подойти и задать Арнольду вопрос, после лекции можно было его поймать и что-то спросить или рассказать. А еще к нему можно было приехать домой, иногда даже без предупреждения. Дом его находился в районе сегодняшнего метро «Битцевский парк», правда, в то время там вообще никакого метро не было. Не было у него дома и телефона. К нему – если повезет и он дома – вообще без звонка можно было впереться, и он принимал гостя с радостью. Понятно, что если кто-то поехал в такую глушь, значит, ему действительно очень надо. Не скажу, что я делал это часто. Нет, я только изредка использовал такую опцию. Не было случая, чтобы приехавшему к нему человеку Арнольд сказал: «У меня сегодня нет времени». Наоборот, он с радостью вцеплялся в этого человека. Для него было удовольствием что-то рассказать, что-то вложить в человека, чтобы в других людях продолжилось то, что он знает и понимает сам.

В аспирантуру я, конечно, поступил к Арнольду. А к кому же еще?! На первом курсе аспирантуры я сменил первоначальную задачу. По-моему, мне сам Арнольд сказал, что есть вот такая задача нерешенная и что я, наверное, смогу здесь что-то сделать. И в этой задаче получилось то, что мне, пожалуй, до сих пор нравится. А дальше уже пошло и пошло...

Важно, что семинары Арнольда были очень и очень разнообразными. Я уже сказал, что он знал всё. Поэтому там было место и для человека с алгебраическими мозгами, и для человека с геометрическим мышлением – каждый мог найти для себя какую-то задачу. Люди, которые попадали на семинар более узкого направления, могли просто не угадать, то есть сделать неточный или неправильный выбор. А на семинарах Арнольда можно было пробовать разные задачи: одна не пошла – тут же, на этом же семинаре, обязательно находились задачи именно для тебя, если такие вообще существовали. Ну, а если человек совсем дурак, то для него никакая задача не подойдет.

Во время учебы в аспирантуре у меня было жуткое ощущение, что жизнь заканчивается. Все, до чего я потом могу дорасти, – это идти преподавать в какой-нибудь вуз или сидеть где-нибудь в лавочке по восемь часов в день. Я думал, что у меня остались последние три года, что все, что я за это время выучу, – это и будет мой багаж, с которым я смогу работать дальше. В значительной степени так и получилось. Самым результативным в этом смысле был для меня второй год аспирантуры. За этот год я прочитал 3600 страниц тяжелых математических учебников по разным областям: топологии, алгебраической геометрии, теории представлений. Все это я сидел и прорабатывал. Я посчитал, что в средне-статистический день я занимался математикой 11 с половиной часов чистого времени, не считая никаких перерывов. То есть столько времени в день я обязательно сидел над учебниками, а кроме того, старался думать над своей собственной задачей.

Конечно, это было очень большое напряжение, поэтому у меня на каждый день обязательно были запланированы две прогулки, по 30 минут каждая: я гулял и одновременно работал над своей задачей. На самом деле диссертацию я обдумывал именно во время прогулок.

После аспирантуры я пошел в Научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). В Математический институт ходов не было, и на мехмат меня бы не взяли: там очень серьезно относились к идейно-политическому облику, а я, наверное, общался не с теми людьми. Математики – они, конечно, вольнолюбивые люди, зато комитет комсомола на мехмате был ого-го!!! Здесь нужно понять, что математика – наука очень объективная. Вот в социологии, наверное, белое назвать черным гораздо проще, чем в математике. Но если не называть белое черным, а черное белым, то проводить партийную линию было совершенно невозможно. Поэтому у нас в комитете комсомола и в парткоме сидели такие зубры... Я бы не сказал, что на общем фоне так уж сильно выделялся своими антисоветскими настроениями, но для того, чтобы тебя взяли в хорошее место, надо было быть очень передовым комсомольцем. Я знаю только одно исключение – это Сережа Конягин. Он не был годеи ни к какой комсомольской активности, но его все-таки оставили на мехмате. Он был самый талантливый математик на нашем курсе.

В институте документоведения была программистская лаборатория, которая создавала базу данных по всем архивам. Там собрались настоящие математики, которые делали для института какие-то программные штучки. Это была чисто прикладная работа. Там, конечно, можно было заниматься своими делами, но уж слишком много времени надо было просто отсидживать, присутствовать на рабочем месте. И разумеется, я продолжал ходить на семинары. Работая во ВНИИДАД, а потом в Госкомстате (всего я в этих местах проработал почти восемь лет), я еще преподавал в 57-й школе – сначала ассистировал на занятиях по матанализу, а потом читал

спецкурсы по топологии в десятом, выпускном классе. В первый раз я прочитал курс для двух человек. А началось все так. Мой коллега и товарищ Аркаша Вайнтроб как-то подошел ко мне и говорит:

– Ой, тут в 57-й школе есть беспризорный класс, за которым никто особенно не присматривает. Там есть два таких способных мальчика! Таких способных! Захиреют ведь без присмотра. Ну, алгебру я им сам расскажу, а уж топологию – ты, хорошо?

И действительно, один из этих мальчиков сейчас профессор в Америке, а другой – доцент у нас на матфаке. И вот я им стал читать топологию на двоих, потом к ним еще двое присоединились. Это был мой первый опыт в статусе преподавателя. Сначала я читал только для двух человек, потом для четырех. Тогда они приходили ко мне в лабораторию, и там я им читал топологию. После этого у меня отработался этот курс, и на следующий год меня позвали преподавать его в школе. Там ко мне ходило уже человек десять-двенадцать. Так началась моя преподавательская деятельность. Сначала мне было трудно и непривычно преподавать, я этим занялся, скорее, потому, что у нас в математике это считается приличным поведением: нельзя сидеть как собака на сене, надо другим рассказывать о том, что знаешь сам. В моем кругу считалось приличным поведением что-то кому-то где-то преподавать. А потом я втянулся, и это стало уже постоянной потребностью.

В 1991 году начался Независимый университет, куда меня сразу позвали, и там я работал 15 лет подряд. Идея создания Независимого университета была связана с необходимостью спасать математическое образование. Речь шла не столько о конкурентоспособности мехмата, сколько о том, что надо просто спасать образование. Ведь это же было самое начало 90-х годов – тогда все просто разбегались. Это вроде как родовая асфиксия: несколько минут новорожденный не дышал – и все! Он уже не выживет или будет дураком.

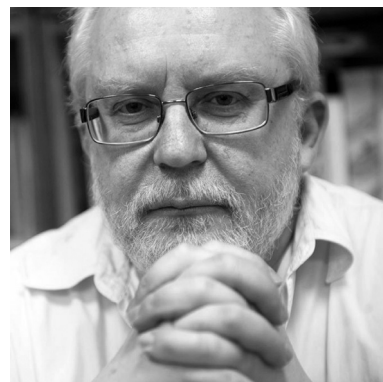
А тут дети растут, из школ их выпускают, а учить их продвинутой математике некому. Это было время какого-то распада: ведущие математики разъехались, кто-то просто не преподавал, а дети школу оканчивают, их же учить надо, а то пропадут! И чтобы талантливых детей как-то подхватить, был создан Независимый университет. Вот такой была основная цель. Во всяком случае, я так ее понимал. Конечно, Независимый университет – это была прежде всего дополнительная программа. Она ориентировалась на то, что самым азам анализа наших студентов научат на мехмате или в Физтехе, а к нам они приходили по вечерам и доучивались. У нас есть люди, которые окончили Независимый университет и считаются его выпускниками, их очень мало, потому что до конца доходили немногие. Но те, кто приходил прослушать какие-то определенные курсы, тоже многое получили от Независимого университета. Он и сейчас работает примерно в том же режиме, но теперь есть еще математический факультет Вышки, почти вся профессура которого получилась из преподавателей или выпускников Независимого.

Сейчас, конечно, нет такой ситуации, как в начале 90-х, но самое высшее математическое образование и сейчас нужно спасать, тем более что мехмат в последнее время как-то сдал. Вот мы тут, на матфаке Вышки, этим и занимаемся: ведь есть много способных ребят, для которых математика – это судьба. И здесь они могут стать очень хорошими математиками, а если нет, тогда они станут чем-то другим, но тоже хорошим.

У математиков свой мир, своя система представлений, например о том, какие рассуждения считать верными, а какие неверными или вообще бессмысленными. Это какая-то часть ноосферы, которая отличается от других. Очень важная часть, помогающая всем остальным не завратиться вконец. И если прервется связь времен, этот мир просто отомрет. Этого же нельзя допустить! Поэтому нужно его хранить и передавать молодежи. Это наш долг и наша ответственность. Вот как-то так.

АЛЕКСАНДР ДОБРОХОТОВ

УЧИТЕЛЯ

Философию я выбрал, когда был еще школьником. Это был примерно 1965 год. Почему это произошло? Особенно интересной фабулы здесь нет. Я в основном литературой интересовался, много читал. Но в девятом-десятом классе я открыл для себя книги по философии, и мне стало интересно. Книги были довольно случайные, потому что это была библиотека военной части. Тем не менее мне там попались любопытные вещи по индийской философии, потом Руссо, Энгельс и, конечно, «Философская энциклопедия». Тогда как раз вышли три ее первых тома. «Философская энциклопедия» уже тогда была нестандартным изданием: находилась в стороне от совсем уж казенной идеологии. И когда я это увидел, то понял, что этот предмет мне интересен. Ну и с тех пор я из этой колеи и не выходил. Я поступил на философский факультет МГУ и до сегодняшнего дня ни вправо, ни влево не отклоняюсь, занимаюсь этим.

Каким факультет был тогда? Вот здесь как раз тема «Учитель и ученик» принципиальна. Потому что это была уже позднесоветская система, в которой возник, как говорят литературоведы, «романтизм двоемирия».

То есть существовал мир казенный, официальный – и был «мир иной», который искусно встраивался в разные лакуны. В 60-е годы уже можно было создать какой-то параллельный мир. Режим был сравнительно мягкий, хотя зубки все-таки показывал. И потом, шестидесятники – это поколение людей довольно интересных, они уже с новым мировоззрением пришли. И я как раз попал в эту волну, когда шестидесятники еще не были разогнаны, а контакты с Западом были более-менее спокойные, да и репрессий не было. Получалось, что можно было довольно уютно существовать в каких-то пещерках. Я бы сказал, что создали катакомбы с разветвленной сетью. И я попал на факультет, где были такие места. Это кафедра истории зарубежной философии (и по сей день лучшая кафедра на факультете), ну и была сильная кафедра логики. Сейчас еще есть кафедра теории и истории мировой культуры, но тогда это были две, пожалуй, самые интересные кафедры.

Я пошел на кафедру истории зарубежной философии. Я бы сказал, что это была аристократическая кафедра: там нельзя было работать, если ты не знал нескольких языков. Поэтому туда приходили не совсем случайные и преимущественно интересные люди.

Там был такой цветник учителей, какого сейчас, наверное, и не может быть. Прежде всего, это люди, которых факультет приглашал читать спецкурсы. Их нельзя было взять в штат, потому что они были неортодоксальны, но можно было пригласить читать студентам курсы.

Например, нам читал спецкурс Мераб Мамардашвили – знаменитый философ мирового масштаба. Это был его первый спецкурс – поэтому не только нам, но и ему было интересно. Он читал про экзистенциализм, про феноменологию духа – то есть темы были не совсем обычные. И это, конечно, произвело на меня огромное впечатление. Надо учесть, что у него и стиль был особенный: стиль свободного разговора. Он писал не так блестяще, как преподавал. А преподавал он так: клал диктофончик – тогда это еще была редкость, – трубочку набивал табаком, садился и начинал неспешно рассуждать. Для тех времен такой европейский стиль размышления был непривычен. Девушки просто падали в обморок от восторга. Это было очень интересно – невероятной интенсивности мысль, обращенная к ученикам. Правда, было трудно, потому что он не делал скидок для студентов. Он размышлял так, как будто с коллегами говорил. Я в то время ездил в Москву из Мытищ. Вставать надо было рано утром и ехать далеко, а спецкурс начинался довольно рано. Время от времени я отключался, но помню, что в полусне я записывал интересные вещи, и это шло прямо куда-то в глубины. Я и сейчас помню эти конспекты. Правда, потом был конфликт с руководством, и он ушел, но я до сих пор помню эти лекции.

У нас преподавал и Александр Моисеевич Пятигорский. Он индийскую философию читал – это тоже было потрясение. Мы даже плохо понимали, что он здешний, наш, московский: у него была смуглая восточная внешность, браслет на руке, глаз косил немножко. Он ходил в свитере, рассуждал об индийской духовности – мы были почти загипнотизированы. Нелли Васильевна Мотрошилова читала – тогда было активное начало ее преподавательской деятельности. Она была и остается блестящим педагогом.

Юрий Николаевич Давыдов, Юрий Мефодьевич Бородай, да и Александр Александрович Зиновьев нам лекции читал. Я думаю, что в то время почти все более-менее заметные мыслители так или иначе на факультете присутствовали. Это продолжалось до начала 70-х, когда уже пошли разные конфликты и разборки. А нам повезло – мы попали в волну, когда можно было безнаказанно заниматься тем, что нам было интересно.

Сама кафедра истории зарубежной философии тоже была очень сильной. Ею тогда руководил Юрий Константинович Мельвиль, человек очень необычный. Внешне он был такой аристократический, западный и западного стиля мышления придерживался. Это фигура во многом загадочная – я думаю, про него еще напишут. Интересным было не столько его педагогическое мастерство, сколько сам тип личности. На сером советском фоне это производило впечатление. К тому же он был виртуозный администратор. Юрий Константинович Мельвиль был человеком известным и уважаемым в советских верхах, поэтому он так сумел отгородить свою кафедру, что ему не мешали подбирать себе интересных сотрудников. Он умел их защитить и встроить в систему. До этого, кстати, кафедрой руководил Теодор Ильич Ойзерман, здравствующий и успешно работающий и сейчас, хотя ему скоро исполнится сто лет. Интересно, что самые свои любопытные вещи он написал в годы перестройки. Он тоже был очень нетипичным человеком. Вошел в советский истеблишмент очень высокого ранга, дружил с Косыгиным и был настроен на определенную модернизацию. Это был такой стиль коммунизма с человеческим лицом. Не скажу, что здесь присутствовал либерализм, но профессионализм – безусловно.

На этой кафедре работали уже мои непосредственные учителя. Сначала я увлекся индийской, а потом античной философией. Античности меня учил Арсений Николаевич Чанышев – он меня вел со студенческих до аспирантских лет. Очень необычный был человек. Он уже на грани диссидентства стоял, общался с кругами соответствующими.

Чанышев был поэт, писал стихи под псевдонимом Арсений Прохожий. И вообще, он был фигурой полубогемной, что тоже студентов привлекало. Внешне он был немножко похож на Эйнштейна – растрепанный, в свитере, поэт, участник всяких кружков необычных, большой донжуан. Он не столько непосредственно учил, сколько позволял заниматься своими делами. Помогал с литературой, конечно, советовал, что почитать. Хотя можно сказать, что прямое учительство тоже было, потому что – повторяю – шла еще и другая, параллельная жизнь. Одно дело – лекции, другое дело – кружок студентов. Мы – нас пять человек было – собирались, Чанышев нас сажал вокруг себя, читал вслух «Метафизику» Аристотеля, комментировал, обсуждал ее с нами. И вот это было реальное образование. Я сейчас думаю, что надо бы поменьше поточных лекций читать, но побольше маленьких групп создавать, которые работают на определенную задачу. Тут важно, чтобы учеников был какой-то кворум – «не меньше числа граций, не больше числа муз». Это было бы оптимально. И вот этот семинарчик длился, наверное, года полтора. Он очень много дал мне, гораздо больше, чем некоторые лекции.

Хотя лекторы у нас были блестящие. Например, Василий Васильевич Соколов, тоже ныне здравствующий и активно работающий. Он очень интересные и темпераментные лекции читал нам. Соколов – человек с невероятной памятью. Он от 30-х годов и Института красной профессуры до сегодняшнего дня помнит все: события, имена, отношения людей и т.д. Говорят, он пишет мемуары, но пока они не опубликованы. Соколов тоже был замечен, он как бы тоже вываливался из общей среды. Не очень боялся идеологических начальников, с экрана телевизора мог сказать, что борьба идеализма и материализма – сомнительная схема. После этого разные лица несколько месяцев докладные письма писали в «контору». Читал у нас и Геннадий Георгиевич Майоров, тогда еще молодой ученый, который написал теперь уже знаменитую книгу про Лейбница. Он и педагог, и лектор был совершенно восхитительный.

Ну вот, я начал учебу под их покровительством. Моя первая курсовая была про Марка Аврелия. До сих пор не могу понять, почему я ее писал у знаменитого индолога В.С. Костюченко. А вторая работа была по Упанишадам, по индийской философии, и ее я почему-то писал у античника Чанышева. Видимо, так просто распределили курсовые. Потом я увлекся Плотиним, потом понял, что нет Плотина без Платона, потом понял, что Платона нет без досократиков – и тут застрял на Пармениде, от которого дальше обратное движение пошло. В общем, я все это время увлекался античной философией.

И тут грех не сказать про второго моего учителя, неофициального. Ю.К. Мельвиль сделал так – и это был настоящий прорыв в образовании, – что можно было неофициально создавать языковые группы. Если студенты заинтересуются, например, арабской философией, то приглашают преподавателя арабского языка. Они учат арабский и под его присмотром специализируются по арабской философии. Там была группа арабского, испанского и китайского языков, откуда, между прочим, вышли мощные современные востоковеды. И получалось очень хорошо, потому что люди приходили туда не из формальных соображений, а увлекшись именно этим направлением. Они и язык учили, и времени на это не жалели. Кроме того, была группа греческого и латыни. Ее вести пригласили выпускника классической кафедры филологического факультета (тогда ею руководила А.А. Тахо-Годи) Льва Абрамовича Финкельберга. Сначала это были занятия официальные, потом группа развалилась, потому что языки были трудные. Отсеялись почти все, и в конечном счете нас осталось только двое. Но мы продолжали работать у него дома, в такой домашней атмосфере. Это были абсолютно бесплатные занятия, более того, нас еще и чаем с тортом угощали. И там мы действительно вгрызались в античную культуру. Сами понимаете, что язык нельзя изучать без культурного контекста: там была и литература, и философия. Сейчас он и его жена Рита уехали в Израиль, и там они – известные ученые. Лев Абрамович, насколько я понимаю, занимается досократиками, а Рита (Маргалит Финкельберг) –

специалист по Гомеру, по архаической Греции, работы ее получили мировую известность. Вот такие они замечательные люди, и уж если говорить об отношениях «учитель – ученик», то здесь они действительно были классическими.

После окончания университета я остался в аспирантуре, руководитель у меня был прежний, и все вроде бы шло по накатанному пути. Времена были трудные, потому что я лет десять работал ассистентом на философском факультете МГУ. К тому времени у меня уже расширился круг интересов: я преподавал немецкую классическую и античную философию, у меня был спецкурс по романтизму, по Хайдеггеру. Но главная область интересов – это все-таки античная и немецкая классическая философия. Потом русская философия Серебряного века добавилась.

Я два модуса учительства описал, даже три: приглашенные светила, мои преподаватели на кафедре истории зарубежной философии и параллельный домашний семинар Финкельберга. Но на самом деле советская система одну вещь строго запрещала – это реальное создание гуманитарной научной школы. По моим наблюдениям, это отслеживалось и тут же пресекалось, потому что это уже был бы субъект, не вписывающийся в систему. Разрешали только каким-то кружкам существовать – например, методологическим. Это не очень было опасно. Поэтому многие мои сверстники прошли через кружки типа кружка Щедровицкого. И таких кружков было немало. Я считаю, что в них люди тоже получали альтернативное образование.

Я немножко в таком кружке тоже поучаствовал. Это был кружок нашего ровесника, Александра Васильевича Антонова. Он просто собрал людей, интересующихся русской философией и связанными с этим религиозными вопросами. Это был даже не кружок, а почти салон, который собирался у студентки из Литвы Гражины Миниотайте, тоже нашей ровесницы. Она была как бы хозяйкой салона, такая умная красивая дама, вокруг которой соби-

рались интеллектуалы, рассуждавшие о философии. Но мотором всего этого был Антонов – человек сократического склада, который умел одним вопросом кого-то зажать, кого-то сбить с толку. Сейчас он довольно крупный деятель старообрядческой церкви, известный в этих кругах человек. Для меня это тоже определенный тип образования был. Потому что я человек кабинетный, диалоги вообще не очень люблю, а этот кружок меня вбросил в атмосферу острых сократовских диалогов.

Аспирантские годы, конечно, уже были скучнее, потому что кто-то уехал, кто-то ушел в подполье: 70-е годы – они были такими. Вторая волна ученичества для меня, уже вроде бы сложившегося ученого, неожиданно началась в 90-е годы. Здесь вот что произошло. Марксизм рухнул, и получилось, что свято место оказалось пусто. Поняли, что эту лагуну надо заполнить какой-нибудь мировоззренческой дисциплиной. Идеологические инстанции думали, думали и придумали, что на этом месте должна быть культурология. Я точно знаю, что верхушка министерства образования этим была заинтересована. Но философия – это слишком сложно. Если она не марксистская, это ж надо разные школы знать. Нужно было что-то такое гуманистическое изобрести – ну и придумали культурологию. Я немножко участвовал в этих организационных процессах. На Западе нет такой науки – там есть или культурная антропология, или история цивилизаций, или философия культуры. Но культурология – это наш продукт 90-х годов, как бы мировоззренческая интегральная дисциплина. На Западе к нему до сих пор скептически относятся, считают, что это просто трансформировавшийся истмат-диапат, хотя это неверно.

Я тогда попал как бы в два пространства интересных. Культурологическая кафедра была создана в МГУ на философском факультете, но она была второй по счету. А первая культурологическая кафедра, как ни странно, была создана в МВТУ им. Баумана. Тогда модной была идея несколько огуманитарить технические вузы, и в этом смысле самый мощный проект был в Физтехе.

Я туда тоже попал и заведовал там соответствующей кафедрой, наверное, лет пять. Тогдашний ректор – Николай Васильевич Карлов – загорелся идеей создать синтез гуманитарного и естественного образования. Физтех – это такая гвардия, элита, куда отбирали студентов по всему Советскому Союзу. Карлов решил, что однобокое воспитание – это не просто плохо, но даже опасно: все-таки у этих людей в руках потом будет не только наука, но и оборонка. И он довольно остроумную модель придумал: там создали факультет гуманитарных наук. Были приглашены люди, которые кое-что сделали в гуманитарных науках. На моих глазах студенты под их руководством учили древние языки, богословие, писали стихи, историю музыки изучали. И делали это всерьез. Преподаватели были блестящие, конечно. С помощью Карлова мы настоящий букет интеллектуалов там собрали.

Культурологическую кафедру захотели создать и на философском факультете МГУ. Ну, если говорить о настоящей выпускающей кафедре, то она была, пожалуй, первой в стране. Удивительно уже то, что ее главным создателем там был студент второго курса Валерий Яковлевич Саврей. У него была такая идея, даже миссия: он решил, что должен собрать великих ученых и сказать, что вот такая кафедра вас ждет на факультете. Он увлекался гуманитарными науками, видел, сколько таких звезд в России разрозненных, и решил созвездие из них создать. Но самое удивительное, что он сделал это. Он лично пообщался со всеми учеными, уговорил наше начальство, что это надо сделать. Правда, очень помогли тогдашние декан А.В. Панин и замдекана В.В. Миронов: им эта идея тоже понравилась. Ректор совсем не против был, он понял, что для университета это будет очень престижно. Невероятной энергии был этот молодой человек, Валерий Саврей (он преподает сейчас в университете). Он даже с Раисой Максимовной Горбачевой пообщался и заручился ее поддержкой. В начале 90-го это был просто лекторий, а с 1991 года это уже была самостоятельно работающая кафедра. Там собралось созвездие невероятное: Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, С.С. Аверинцев, Г.С. Кнаббе, Е.М. Меле-

тинский, А.Я. Гуревич, М.Л. Гаспаров, Б.А. Успенский, Н.И. Толстой (всегда неловко прерывать такие перечни: заранее прошу коллег и учителей меня извинить). С 1991-го по 1993-й там было созвездие гениев мирового масштаба.

И вот здесь, конечно, я у них учился. Я тогда тоже перешел на эту кафедру и помогал в ее организации. Это был настоящий культурологический центр, там был создан свой журнал («Мировое древо»), шли формальные и неформальные семинары, публичные лекции проводились. Это был гуманитарный центр с мощнейшим духовным излучением. Потом, правда, это быстро закончилось, потому что в 93-м Афанасьев их переманил в РГГУ. Им создали должные условия, и они дружно туда ушли почти все. И вот, если говорить об учителях, то не только студенты, но и я тоже – все мы увидели, что такое настоящие ученые, которые с вами общаются на равных, думают при вас. Характеры и темпераменты у них были разные, но не было никакого снобизма. Это просто Афины какие-то были в МГУ. К сожалению, недолго. Но тем не менее кафедра, получившая такой импульс, и сейчас существует. И она – одна из лучших в стране.

Первый шаг, который необходимо было сделать, – наладить междисциплинарный диалог, что тоже было непросто. Но на самом деле эта школа уже работала в таком режиме. В 60–70-е годы они же все здесь были, московская и тартусская школа работали в этом направлении. Они уже протоптали такие тропинки от филологии и истории к математике, нейрофизиологии, к философии – все это было. Философия меньше всего там участвовала, но были люди философски подкованные, такие как Иванов или Аверинцев. Поэтому первая стадия была уже до создания кафедры фактически реализована: это было пространство междисциплинарной коммуникации. Ну а потом нужно было реальные программы составлять. Это далось трудней, но тем не менее все были согласны с тем, что реально существует такая общая символическая среда, которая стихийно

создается. Ведь в культуре все на все влияет, надо только перевести фактическое влияние на язык системного описания. Так создавалось учение об основах культурной символической среды. Как ее декодировать, что и с чем сравнивать – здесь интенсивно развивалась компаративистика; как объяснить феномен чужой культуры – тут герменевтика развивалась. И в общем я должен сказать, что все неплохо шло.

Потом волна популярности захлестнула культурологию. Она заменила собой диамат в вузах – ну и преподавать ее, соответственно, стали бывшие преподаватели истории КПСС. Такова была объективная реальность. В результате получилось, что настрогали миллион книг – полки сейчас забиты учебниками по культурологии, которые невозможно читать, – и как-то в культурологии разочаровались. Ее потеснили более традиционные науки. Философия, например, какой-то реванш в начале нулевых годов переживает. Но сейчас, я смотрю, культурология опять выкруливает. Все-таки культурология состоялась как наука.

Для меня самым интересным было читать спецкурсы по конкретным дисциплинам. Я читал лекции по немецкой философии, по Гераклиту. Общие курсы, конечно, менее интересны – это были обычно обзорные курсы по истории. Да и здесь, в ВШЭ, я фактически читаю курс истории западноевропейской культуры. Думаю, что точные лекции нужно потихоньку сжимать, а оставлять работу типа спецкурсов, мастер-классов, творческих семинаров и т.д. Кстати, это нормальная западная модель, там огромных курсов лекций от «Адама до Потсдама» никто не читает. Для этого есть учебники – пожалуйста. И есть маленькие группы, где под руководством учителя учатся ученики.

Что касается научного общения, то сейчас, к сожалению, очень мало проводится настоящих конференций. Они исчезли на моих глазах. А когда-то это была очень эффективная форма работы. На конференциях собирались интересные люди, там обычно сидел полный зал

напряженно слушающих ученых. Этого сейчас нет, зато появились конференции, где десять человек – в президиуме, а пять – в зале сидят и скучают. То есть исчезло коллективное поле, где много заинтересованных людей было. И кружки, по моим наблюдениям, исчезли достаточно надолго. Но вот последние года три пошел обратный процесс. В самое последнее время поживее стали конференции. Не знаю, как это объяснить. Может быть, потому, что появилась заинтересованная молодежь. Может быть, я буду противоречить общему тону, но мне кажется, что она лучше стала в последнее время. Я вижу, какие ребята приходят на первый курс: они более мотивированные, более заинтересованные. И еще есть такой параметр, как соотношение лучшей части с балластом группы. Сейчас заметно растет активная часть студенческой группы, которая сразу тянет за собой какую-то часть пассивной. К тому же подросло поколение преподавателей, которым сейчас около тридцати, выросших в условиях свободы. Им тоже интересно работать со студентами.

Информационное издание

**Поколения ВШЭ
Учителя об учителях**

Литературный редактор *Ю.В. Иванова*
Компьютерная верстка, дизайн обложки: *В.И. Кремлёв*
Корректор *Н.Н. Щигорева*

Подписано в печать 24.10.2013. Формат 60×90 1/8
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 38,0. Уч.-изд. л. 24,3
Тираж 2000 экз. Изд. № 1682

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52